

Фото из сорок первого

Галине Кириленко довелось побывать в войну и цензором, и медсестрой.

Галине Кириленко довелось побывать в войну и цензором, и медсестрой

22 июня три молоденькие минчанки решили провести на природе. В городе должно было состояться большое событие - открытие Комсомольского озера. И хотя страшная новость, что Германия напала на Советский Союз, разлетелась мгновенно, девушкам об этом пока ничто не напоминало. Жизнь текла в прежнем русле. Не верилось, что немцы дойдут до города. Вряд ли...

Возвращаясь с несостоявшегося открытия, подружки побежали не домой, а спокойно отправились в кино - не пропадать же хорошему настроению. Перед сеансом решили сфотографироваться, а после фильма забрали фото - оно и сейчас хранится (размером с марку) у одной из подруг. С скромная подпись: "Нина Бреус и Галя Кириленко. Минск. 22 июня 1941 г." Галина Николаевна, вспоминая сейчас те дни, говорит: "Глупые были, не понимали, что творится". Ей тогда шел только девятнадцатый год.

- Я работала в республиканском управлении милиции по Ленинской улице, - продолжает Галина Кириленко. - В детской комнате милиции в должности оперуполномоченного общалась с заблудившимися, беспризорниками, мелкими преступниками.

23-го Галя пошла на работу вместе со своей подругой Валею Крещанович. И 24-го еще выходили на службу. Знали бы они, что в тот день начнется их военная эпопея длиной почти в пять лет.

Тревога. Бомбежка. Отбой. Все успокоилось, девушки выбежали на улицу: попить воды - напротив управления стояли автоматы с газировкой. Не успели утолить жажду, были вновь оглушены воем сирены. Прятаться бросились. Выбрались из укрытия - только коробка управления дымилась и начальник розыскного отдела полковник Кожемякин с перевязанной головой, в порванной гимнастерке с ребятами раскапывал завал. Он и посоветовал: "Лучше уходите куда-нибудь, прячьтесь".

- Ну мы и пошли по Советской улице в лес, где сейчас парк Челюскинцев. А там уже людей много было.

За спиной бушевало пламя - Минск был затянут заревом пожаров.

Галина Николаевна сейчас удивляется, как все быстро произошло. Ведь она не убегала из города насовсем, думала: отгрохочет артиллерия, догорят пораженные бомбами дома - и все вернется на круги своя. Многие знакомые остались в Минске, родные, гостившие у нее накануне, уехали домой в деревню, под Бобруйск.

Через лес проходили войска, грузовые машины, они стали подбирать людей. Никто не знал, куда везут, что будет дальше. Метались напуганные люди. Рядом мальчик кричит, зовет маму, а она не приходит. Подъезжает грузовик. Ребенка подсаживают, затачивают в кузов, сюда же запрыгивают Галя и Валя. С мальчиком они проедут до Вязьмы. Там его сдадут в детдом, а девушек распределят в Воронеж. Их не осмеливаются называть беженцами, официально они - эвакуированные.

- Ехали мы голые, босые, голодные, кое-как добрались до Саратова. Надоело блуждать, здесь и решили пока остановиться. Я устроилась на работу в сельсовете, в пригороде - ходила по деревням, собирала военный налог. Хозяйка, у которой я жила, пятерых детей растила. Голод начинался. Она наварит в мундирах картошки, соли насыплет, если огурец найдется - достанет, все съедут и едят. И я с ними. Купила она мне какие-то валенки кривые. Хожу по деревням, снег по колено, проваливаюсь...

Решила Галина восстанавливаться по специальности, поступать в школу милиции.

- Мы с Валею записались на шестимесячные курсы. Выдали нам форму красивую, ботиночки, гимнастерочки. И кормили хорошо. В столовой стоит кастрюля: наливай, сколько хочешь, супа. Мы друг друга толкаем: смотри, в рай попали! Только кончились эти курсы - нас сразу же распределили в Калинин. В начале 1942-го город только освободили от немцев. Направили меня снова в уголовный розыск, а Валею - в ОБХСС. Надо было в тюрьму ходить, допрашивать преступников, а на базаре ловить спекулянтов. И за все это я получала 650 рублей. Столько стоила булка хлеба, да и то не купить было. Стала проситься на другую работу.

Галину перевели в военную цензуру при управлении НКВД: сидеть на почте и читать письма - с фронта и на фронт.

- Наша группа мерзла в потемках в комнате с выбитыми окнами, прикрытыми фанерой. Света не хватало - горела только гильза из-под снаряда со вставленной тряпкой-фитилем. Писали люди на берестовой коре, на плохой бумаге, неразборчивым почерком. Там зрение посадила...

Письма - это личное, сокровенное. А здесь молодой девушке надо вчитываться, искать крамолу, военные тайны, чужие секреты. Вот пишут, например, из Ржевского района, где был сильный голод: каждый день везут людей хоронить. Получит человек на фронте такое письмо, как ему будет? Поэтому нельзя пропустить - зачеркивали, замазывали. Если все письмо было, как говорилось, упадническое, изымали и ставили букву "К" - конфисковано. И таких очень много было.

- Немало "ребусов" приходилось разгадывать. Если такую "головоломку" с зашифрованной информацией пропустишь, попадешь под трибунал - никто и не поверит, что нарочно "не заметил". Мы не должны были распространяться, где работаем. Кормили здесь плохо, в столовой давали чай, репу, брюкву мерзлую, капусту... У меня скоро в глазах строчки в черное стали сливаться. Когда домой возвращалась, падала - голова кружилась. Обратилась к врачу, поставили диагноз - неважный процент гемоглобина. Необходимо хорошее питание. А где его взять? Я стала проситься на фронт - там лучше было с продовольствием. Но не только поэтому. Я же была патриоткой. Говорю: "Хочу мстить на фронте, родители в оккупации остались". Тогда к нам приезжал капитан Серебрянский. Ему нужна была машинистка, он и пообещал: "Хорошо, я тебя возьму, но ты у нас будешь уже не старший лейтенант, а солдат, и получать станешь не 650, а 3 рубля". "Не надо, - говорю, - мне никаких денег".

На фронте я поправилась. Повару приказали: "Откормить! Никакой работы не давать". Сначала помогала переписывать бумаги, а потом уже приходилось и на коне, и на мотоцикле "летать" - донесения доставлять. Позже попала в медико-санитарный батальон. Всегда была на подхвате - перевязывала, переодевала, кормила раненых, помогала врачам при операциях. В первый раз, когда поручили лампочку держать во время операции, от вида крови дурно стало...

Однажды дали нам задание передислоцироваться. Мы погрузили раненых и тронулись в путь. Длинная вереница машин во главе с грузовиком "Ситроен". И вдруг останавливается наш "Ситроен", выходит шофер, а к нему идет... немец с автоматом! Шофер тоже с автоматом, говорит немцу: "Хэнде хох!". Немец как-то смог убежать, но через мгновение откуда-то засвистели пули. Оказалось, немцы еще не ушли, а нам уже дали приказ занимать "свою" территорию. Попали мы, получилось, в ловушку, которую сами же себе и устроили... Тогда стали разворачиваться, но огонь не прекращался. Боже мой, не знаю, как я уцелела. Наутро, когда поехали разыскивать пропавших, нашли всех насквозь простреленных...

Прошла Галина Николаевна через Витебщину, Латвию, Литву до самой Пруссии. "В Прибалтике, - говорит, - к нам враждебно относились. Люди там были зажиточные. Все спрашивали: "Что, и колхозы за вами приедут?"

А в Германии, в Пруссии по-разному было.

- Когда освобождали немецкий город, то наши солдаты тоже злые были - мстили. Бывает, придут, побьют всё. Но это запрещалось. А сами местные жители прятались. Входим в селение - пусто.

Трофеев я так и не привезла домой. Другие, особенно те, кто был в высоком чине, много повывозили. У них же и транспорт имелся, и солдаты. А я только подобрала где-то пуховое одеяло да босоножки. Но когда пришло время домой возвращаться, вещмешок сухарями набила - думала, что в Белоруссии голод. А туфли и одеяло оставила. Николай Шевчук, мой начальник, пообещал, что пришлет. Но ничего я от него не получила. Остался только его подарок - швейцарские часы. Любил он меня... Хотел забрать к себе, в Западную Украину. Но я как узнала, что у него там жена, не поехала. Он с ней потом тоже не жил. Потому что под оккупацией та с немцами крутилась. Вот такая правда жизни...

...В Минск Галина Кириленко вернулась в 1946 году. Окончила пединститут, среди ее учителей был легендарный директор "ленинки" Симановский. И 40 лет проработала в библиотеках. Орденов и медалей у Галины Николаевны не счесть, из благодарностей и грамот можно сшить толстую книгу. Но больше всего она гордится орденом Отечественной войны, медалями "За взятие Кенигсберга", "За победу над Германией", "За боевые заслуги". Хотя война для нее - не самое приятное воспоминание.

- Завидую молодым. Хотелось бы молодость вернуть, но жизнь свою заново ни за что не согласилась бы прожить. Я вот летчицей мечтала быть...